

РОССИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ И МАРШАЛ ФИНЛЯНДИИ

В. К. АБРАМОВ,

*доктор исторических наук, заведующий сектором истории
и этнографии Межрегионального научного центра финно-угроведения
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

(г. Саранск, РФ)

27 января 2016 г. исполнилось 65 лет со дня смерти выдающегося военного и государственного деятеля Финляндии Карла Густава Эмиля Маннергейма (1867–1951). Офицер, честно отслуживший 30 лет в русской армии, пройдя путь от корнета до генерал-лейтенанта, после распада Российской империи стал так же преданно служить своей родине – Финляндии и при необходимости воевать против России, в том числе вместе с гитлеровской Германией. Его необычная судьба вызвала самые различные оценки: от восхищения до неприязни. В отечественной историографии к первым можно отнести книгу Л. Власова «Маннергейм» [6], к наиболее квалифицированным и спокойным из вторых – очерк С. Фомина «Барон Маннергейм: русский генерал или финский фельдмаршал?» [20]. В очередной раз эти разногласия проявились летом 2016 г. при попытке разместить памятную доску в его честь в Санкт-Петербурге [8].

Любая сложная и выдающаяся личность не может быть охарактеризована каким-либо одним словом. Это зависит от того, в какую сторону качнется чаша весов добра и зла, т. е. от общего итога деятельности личности – деятельности, разумеется, на благо родной страны, своего народа.

Предки Маннергейма переселились в Швецию, по различным сведениям, то ли из Голландии, то ли из Германии и изменили здесь фамилию Маргейн (Мархейн) на более благозвучную со шведской точки зрения. В конце XVII в. им было пожаловано дворянство, а в конце XVIII в. прадед будущего маршала офицер Карл Эрик был переведен на службу в Финляндию, где стал видным деятелем Аньяльского союза – организации, выступавшей

© Абрамов В. К., 2016

против войны с Россией и за автономию Финляндии. Его приговорили к смертной казни «за предательство», но помиловали. После выхода из тюрьмы он занялся гражданской деятельностью, в частности являлся председателем Финского экономического общества. Прорусская ориентация Карла Эрика была учтена при назначении его председателем делегации, направленной из Финляндии к императору Александру I во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. В результате умело проведенных переговоров «Великое княжество Финляндия» получило сейм и широкие права автономии, а Карл Эрик Маннергейм занял в нем должность заместителя председателя сенатского департамента экономики. В 1825 г. Император присвоил ему графский титул, который передавался по наследству лишь старшему сыну, остальные сыновья должны были носить титул барона. Один из сыновей Карла Эрика, Карл Густав, в честь которого был назван внук, дослужился до поста президента Верховного суда Выборга. Таким образом, все финские Маннергеймы занимали четкую прорусскую позицию, что не могло не сказаться негативным образом на их отношениях со шведской диаспорой Финляндии [16, 7–9].

Карл Густав Маннергейм родился 4 июня 1867 г. в семье барона Карла Роберта Маннергейма и графини Хедвиги Шарлотты Хелены фон Юлин в имении Лоухисаари недалеко от г. Турку [15]. В 1882 г. он поступил в кадетский корпус Финляндии в г. Хамина (Фридригсгамн – швед.), но весной 1886 г. был исключен из него за дисциплинарные нарушения. Спустя год он сдал университетский экзамен в Хель-

синки (Гельсингфорс – швед.). Дальнейшая его судьба на три десятилетия была связана только с Российской империей, где его звали Густав Карлович.

Летом 1887 г. Маннергейм поехал в Харьков к одному из своих родственников для более глубокого изучения русского языка. Здесь, как он писал, «моим сердечным другом и хорошим учителем стал один из казаков-кавалеристов – весьма образованный человек, прошедший обучение в Петербурге. Именно его стараниями уже осенью я говорил по-русски достаточно хорошо» [13, 11–12]. Биографам удалось выяснить, что русскому языку Маннергейма обучал капитан Сухин [16, 23].

В том же году он поступил в Николаевское кавалерийское училище, в котором, по его словам, «...было очень много прекрасных педагогов. С особой благодарностью я вспоминаю преподавателя тактики полковника Алексеева, серьезного и требовательного человека, который во время первой мировой войны дослужился до начальника штаба Ставки и даже стал Верховным главнокомандующим. Руководителем училища был доброжелательный и очень образованный генерал барон фон Бильдерлинг, впоследствии командующий армией во время русско-японской войны. Обучение было более широким и планомерным, чем в кадетском корпусе, – сказывалась хорошая подготовка преподавательских кадров и возможности для практических занятий» [13, 12].

В 1889 г. он с отличием окончил училище в чине корнета и намеревался поступить в Кавалергардский полк. Его офицерское собрание одобрило кандидатуру Маннергейма, но вакантных мест не оказалось, и он в ожидании вакансии начал служить в драгунском полку в польском городе Калиш на границе с Германией. «Таким образом, – писал он, – я оказался в условиях, которые существовали во всех частях царской армии, разбросанной по огромной территории России. Они резко отличались от условий в гвардейских полках и гарнизонах больших городов. Я научился понимать и уважать русскую военную дисциплину, обладавшую многими хорошими ка-

чествами. С новобранцами я не испытывал особых проблем, они легко обучались и были очень выносливыми. Если к ним относились по закону и так, как требовало дело, то они привязывались к своему командиру...» [13, 13–14].

В 1891 г. Маннергейма перевели в Кавалергардский полк. Здесь он командовал эскадромом, увлекся конными видами спорта и познакомился с некоторыми представителями высшего света Петербурга. В 1892 г. Густав женился на Анастасии Араповой, дочери Николая Устиновича Арапова, в прошлом кавалергарда, а позднее начальника московской полиции. В браке родились две дочери, правда, в дальнейшем семейная жизнь не сложилась.

В столице молодой кавалергард предавался развлечениям, о которых с удовольствием позднее вспоминал в мемуарах: «Среди других развлечений самое незабываемое впечатление производило празднование Пасхи, самого крупного праздника глубоко верующей России... Церковные песнопения исполнялись прекрасными хорами мужчин и мальчиков. Я больше нигде не слышал ничего похожего на могучие русские басы... Пасха также знаменовалась всеобщей благотворительностью, когда щедрая русская натура вступала в свои права и все люди, начиная с царя, подносили подарки близким... В больших городах царило теплое и редкостное настроение» [13, 15–16].

В 1896 г. во время коронации Николая II Маннергейм был одним из четырех кавалергардов, которые с гербами России сопровождали Царя к алтарю [13, 17]. К последнему российскому императору Маннергейм испытывал глубокое почтение, неоднократно встречался с ним до и после его отречения. Все это плохо согласуется с обвинением его в ненависти к русскому народу и России в целом. Конечно, в бытовых разговорах и письмах Густава Карловича встречались иронические и критические замечания по поводу некоторых явлений русской жизни (так же, как финской и шведской), но делать на основании отдельных фраз, вырванных из контекста, обобщающие выводы о его русо-

фобии (финнофобии, шведофобии) считаем несерьезным.

В 1897 г. Маннергейм принял назначение в управление придворных конюшен, что означало участие в обучении и покупках лошадей. Последнее обстоятельство предполагало длительные поездки по местам разведения породистых лошадей в Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии и др. Во время одной из подобных поездок в Германию он получил сильный удар копытом в колено, последствия которого сказывались всю оставшуюся жизнь. Он писал об этом: «Человек, занимающийся лошадьми, не может избежать таких ударов, но из тех тринадцати случаев, когда я ломал себе кости, это происшествие было самым ужасным» [13, 19].

В 1903 г. ротмистр Маннергейм получил назначение в Петербургское офицерское кавалерийское училище на должность командира так называемого образцового эскадрона. Училищем командовал знаменитый впоследствии генерал Брусиллов. Между ними – знатоками и любителями конного спорта – сложились хорошие дружеские отношения. С началом Русско-японской войны Густав подал рапорт о направлении его на фронт, хотя генерал не одобрил этот поступок: «Он считал совершенно бесполезным участие в такой незначительной войне и уговаривал меня отозвать прошение. Ведь скоро считал Брусиллов, начнется реальное противоборство, которое, возможно, перерастет в мировую войну, именно поэтому мне следовало поберечь себя. Однако я не сдался, поскольку прочно решил попробовать свои силы в настоящей войне» [13, 20].

Маннергейм вернулся с войны в чине полковника, с ревматизмом, левосторонней глухотой и идеей военной рекогносцировочной экспедиции в Китай [16, 48]. После поражения в войне позиции России в Китае ослабли: свертывалось сотрудничество в торговых делах, усиливались антирусские настроения, разрасталась политическая агитация за выход Китайско-Восточной железной дороги и Манчжурии из-под российского протектората. Вот почему генштаб сразу же поддержал эту идею. В целях

сбора сведений и военно-статистического материала о приготовлениях в области обороны страны, выяснения настроений местных племен и Далай-ламы в отношении политики пекинского правительства, а также возможности передвижения и расположения войск, изучения местности, картографирования дорог и так далее предусматривался маршрут через Центральную Азию до Пекина. Официально экспедиция посылалась с этнографическими задачами, что накладывало на Густава Карловича обязанности и научных исследований [7].

Эта двухлетняя экспедиция (1906–1908 гг.) сделала Маннергейма одним из выдающихся российских разведчиков. Его рапорт генштабу последовал в соответствующем порядке, после чего был засекречен. Затем он был приглашен на доклад к императору. Собранные военные сведения, без сомнения, оказались бы чрезвычайно ценными для России, но, поскольку войны с Китаем не состоялось, через какое-то время они, естественно, утратили актуальность в отличие от этнографических сведений и артефактов, переданных в различные учреждения и до настоящего времени представляющих научную ценность. В связи с этим Маннергейм был принят в почетные члены Императорского Русского Географического общества в Петербурге [15].

Успехи Маннергейма в различных областях омрачались в этот период серьезным обстоятельством. Действия царского правительства по ликвидации демократических свобод, завоеванных в результате революции 1905–1907 гг., вызвали ответную реакцию в финском обществе, активизировали борьбу с самодержавием. В таких условиях отношение к финнам, продолжавшим служить «верой и правдой» русскому царю, становилось неприязненным. Подпольная финская газета «Свободное слово» даже опубликовала черный список «предателей родины», среди которых значилось также имя Маннергейма. «Это было равнозначно гражданской казни» [16, 54].

С начала 1909 г. он вновь в русской армии в качестве командира уланского полка в Ново-Минске (Миньск-Мазовецки – польск.), затем лейб-гвардии уланского пол-

ка в Варшаве. Маннергейм обратил внимание на то, как межнациональные противоречия вследствие неумелой национальной политики ослабляют единство государства. Он с сочувствием относился к ликвидации польской автономии, вытеснению польского языка из школы и сферы обращения документов, но не нашел в поляках ответного сочувствия: «Как финн и убежденный противник русификации я думал, что понимаю чувства поляков и их точку зрения на те вопросы, которые можно было считать взрывоопасными. Несмотря на это, поляки относились ко мне с предубеждением... к моим попыткам наладить в полку нормальные отношения поляки относились с подозрением» [13, 46].

Начало Первой мировой войны генерал-майор Маннергейм со своей бригадой встретил в г. Краснике в тридцати километрах от Австро-Венгерской границы. В феврале 1915 г. его назначили командиром 12-й кавалерийской дивизии, которой ранее командовал весьма авторитетный на фронте генерал А. М. Каледин – будущий выборный атаман Войска Донского. Он участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве (А. А. Брусилов в это время командовал Юго-Западным фронтом), правда, его результаты командир оценил осторожнее, чем это принято в отечественной историографии. Следствием прорыва стало вступление в войну Румынии, войска которой были быстро разгромлены австро-венграми и немцами, что вынудило русскую армию в дополнение к Западному и Юго-Западному фронтам открыть Южный (румынский) фронт и лишило ее практически всех резервов.

Февральская революция 1917 г. привела к отречению Николая II и вызвала хаос в стране и армии. Началось массовое дезертирство. Многие части и соединения оказывались небоеспособными. Однако дивизия Маннергейма по-прежнему придерживалась дисциплины. В июне он получил очередное звание генерал-лейтенанта и был назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса, состоявшего из трех дивизий. Вскоре 6-й корпус принял участие в удачном наступлении, результатом которо-

го стало некоторое продвижение русских войск, а командовавший наступавшей 8-й армией генерал Л. Г. Корнилов был назначен командующим Юго-Западным фронтом. Через несколько дней соседняя армия буквально бросила позиции и противнику удалось прорвать фронт в Галиции и на Буковине. 19 июля Л. Г. Корнилов сменил на посту Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова, а после августовского Государственного совещания в Москве сделал неудачную попытку государственного переворота и был объявлен новым главой Временного правительства А. Ф. Керенским вне закона. Близкого к Корнилову Маннергейма вывели в резерв, и позднее он уехал в объявившую независимость Финляндию.

Тот факт, что после отречения императора Маннергейм продолжил службу уже Временному правительству и принял от него очередной чин генерал-лейтенанта, дал некоторым критикам основание для утверждений о ложности его монархических взглядов и о том, что главным его стремлением была личная карьера. Здесь следует вспомнить, что отречение Николая II от власти не означало автоматически изменения формы правления в России. Многие деятели Временного правительства, например лидер кадетов П. Н. Миллюков, выступали за сохранение монархии. Россия была объявлена республикой только в сентябре 1917 г., после того как на посту премьер-министра князя Львова сменил эсер Керенский. И русскую армию Маннергейм покинул после захвата власти большевиками. Аресты, избиения и расстрелы офицеров большевистски настроенными солдатами, опасность быть расстрелянным самому, разумеется, не прибавили ему уважения к большевикам.

В декабре 1917 г. в Хельсинки вернулся пятидесятилетний, по тем временам пожилой человек, оставивший в России здоровье, высокую должность, генеральское звание, лишенный семьи и пенсии, но заработавший ярлык «предатель Финляндии». Такой груз пережитого мог бы сломить любого обычного человека, но не Карла Густава Маннергейма. Уже в середине января

1918 г. его как самого успешного из финских генералов избрали председателем Военного комитета, который был призван создать армию независимой Финляндии. Первым шагом Маннергейма стал переезд на север страны в небольшой город Васа, где позиции красных были слабее, чем на юге.

В Финляндии в тот период свирепствовал голод, находилось до ста тысяч пробольшевиcтски настроенных солдат бывшей русской армии, значительная часть населения придерживалась социал-демократических взглядов. Казна только что возникшей страны была практически пуста. В дополнение ко всему 28 января финские социал-демократы совершили военный переворот, объявили мобилизацию в Красную гвардию и с помощью русских частей захватили почти все крупные города Южной Финляндии. В тот же день Сенат обратился к народу с воззванием, в котором, в частности, говорилось: «Генералу Маннергейму и народу Финляндии. Подстрекаемая некоторыми революционно настроенными элементами часть граждан Финляндии, опираясь на чужие штыки и войска, поднялась на мятеж против Парламента Финляндии и его законного правительства, препятствуя с помощью силы его деятельности и ставя под угрозу только что обретенную свободу. Правительство государства считает необходимым применить все возможные средства, чтобы покончить с этим предательством, для каковой цели те силы правопорядка, которые были образованы для поддержания порядка в стране и уполномочены Парламентом, подчинены одному руководству, и их главнокомандующим назначен генерал Г. Маннергейм...» [13, 91].

Полномочий у главнокомандующего было много, однако не было ни армии, ни оружия, ни денег. В его распоряжении находилось только несколько бывших высших и старших офицеров русской армии. Деньги ему помогли получить старые связи, а именно директор-распорядитель одного из банков, переведший в г. Васа 15 млн марок под честное слово просителя. Средний командирский состав удалось укомплектовать из финнов, бежавших в Германию для борьбы с царским правительством и обу-

ченных там по программе егерей. Сначала они претендовали на главную роль в армии и выказывали нежелание сражаться под командованием русских генералов, но ввиду национальных интересов бывшие противники нашли общий язык. Егеря оказались кстати при обучении неопытных новобранцев. Офицеры для штабной работы прибыли добровольно из Швеции с целью приобретения опыта в реальных боевых действиях. Основной рядовой состав наполнили так называемые охранные отряды, известные в России под наименованием «Шюцкор». Это были отряды добровольцев, отличавшихся, как правило, смелостью и решительностью, но слабо обученных и еще более слабо придерживавшихся армейской дисциплины [13, 87–92]. Неожиданно здесь Маннергейму помогли сами красные.

31 января 1918 г. правительство, пришедшее к власти в результате переворота, – Совет народных уполномоченных – объявило о передаче арендованной земли арендаторам. Это было что-то вроде финской формы реализации Декрета о земле. В России, где земля в основном принадлежала общинам, передача им еще и помещичьей и хуторской земли привлекла большинство крестьян на сторону красных. В Финляндии же, где земельные участки преимущественно находились в собственности многих поколений семей хуторян, этот акт вызвал повсеместное негодование и вовлек в войска Маннергейма тысячи добровольцев. В противовес Красной гвардии созданная на севере армия стала именоваться «Белая гвардия». Впоследствии это название прижилось и в России для некоторых антибольшевистских сил. Оружие захватывали на местных складах, отбирали у пленных, часть дали немцы. Организованная таким образом армия успешно провела несколько операций и при поддержке одной немецкой дивизии, высадившейся на юге страны (против чего главнокомандующий возражал категорически), уже к маю 1918 г. выбила красных из Финляндии.

Считается, что в ходе военных действий были взяты в плен десятки тысяч российских солдат, тысячи из которых потом по-

гибли в лагерях. Также в вину Маннергейму вменяются многочисленные расстрелы мирного населения, особенно при захвате Выборга. Разумеется, главнокомандующий несет полную ответственность за то, что делается в его войсках, но следует отметить, что приказы о расстрелах солдат противника, выступающих с оружием в руках, и диверсантов – обычная практика всех войн, и в данном случае они в одинаковой степени касались и финнов, и русских. Конечно, нарушения армейской дисциплины (о чем говорилось выше), а также явление русофобии, распространенное среди финского населения, не могли не проявиться при реализации названных приказов в отношении мирных жителей. Однако обвинять в том, что складывалось десятилетиями в результате неразумной национальной политики царского правительства, и в том, что за два-три месяца армия не приобрела четкие дисциплинарные навыки, лично Маннергейма, на наш взгляд, нелогично, тем более частями, занимавшими, например, Выборг, непосредственно командовал не он, а Э. Л. Левстрем, тоже, кстати, из русских генералов.

Относительно гибели заключенных в лагерях (большой частью солдат русской армии) вина Маннергейма заключалась лишь в том, что он захватил этих солдат в плен, далее они переходили в ведение Сената и органов правительства. Вот что он писал об этом: «Из-за нехватки продовольствия возникали огромные трудности с питанием военнопленных. Люди, помещенные в лагерь, страдали от голода и болезней, смертность там была устрашающе высокой. Сенат считал, что раз всем тяжело, то все должны довольствоваться скудным рационом, лишь бы пища была здоровой. Сенат к тому же решил, что все пленные без исключения должны предстать перед судом, однако судебных дел было огромное количество и военнопленным предстояло долгое время мучиться в тюрьмах. Я же предложил, что перед судом должны предстать только те, кто виновен в тяжких преступлениях, а остальных людей, введенных в заблуждение, следует освободить, пусть даже эти люди были взяты с оружием в ру-

ках» [13, 133]. Тем не менее Сенат не прислушался к его доводам.

Кроме того, Сенат воспротивился его намерениям продолжать наступление на Петроград, логично мотивировав это тем, что неправильно нападать на единственную страну, признавшую независимость Финляндии. Позднее в частном письме Маннергейм объяснил это стремление: «Русские ничему не научились и ничего не забыли. Раньше или позже мы окажемся в ситуации, когда Россия, будучи более сильной империалистической державой, чем прежде, стянет свои войска и двинется восстанавливать великое Российское государство в его прежних границах. Избежать столкновения с такой Россией – а она обязательно возникнет – можно. Россию нельзя уничтожить, стереть с карты мира, поскольку именно так выглядит положение вещей, лучше всего совершить рыцарский поступок и освободить Петербург, тем самым заложив основы будущих хороших отношений» [16, 119–120].

После гражданской войны финское руководство приняло решение передать дальнейшее формирование армии в руки немецких инструкторов, а позднее объявило Финляндию королевством и пригласило на трон немецкого принца Фридриха Карла, т. е. проводило внешнеполитический курс, ориентированный на Германию. В знак протеста «карьерист» Маннергейм ушел с поста главнокомандующего и как частное лицо уехал в Швецию. Однако капитуляция Германии заставила администрацию Финляндии сменить приоритеты и предложить пост главы государства (регента) деятелю, которому доверяла Антанта, – не связанному с немцами Маннергейму. Став во главе государства, он начал подготовку к захвату Петрограда совместно с армией Юденича, который готовился к этому же в Эстонии, но проиграл президентские выборы 1919 г. Карлу Юхо Стольбергу и был вынужден отказаться от такого намерения.

В 1920-е гг. Маннергейм возглавлял Союз защиты детей и Красный Крест Финляндии. Главной причиной работы в первом учреждении он считал необходимость «...заполнить глубокую брешь, разделя-

ющую народ на красных и белых», что следует осуществлять «...с самого начала, с детей, обеспечить их физическое и психическое здоровье и благополучие». Отметим потепление в этот период отношения генерала к социал-демократам, возможно, лишь внешнее, направленное на примирение сторон и установление единства в финском обществе. Во второй организации его целью было создание системы госпиталей с резервом врачей и медсестер. Маннергейм принимал непосредственное участие в разработке, выборе и монтаже оборудования вплоть до обеспечения санитарных машин специальными мягкими подвесками для облегчения страданий перевозимых больных и раненых [16, 130].

К 1930-м гг. наша страна в результате начавшейся индустриализации значительно усилила промышленный потенциал и уровень вооружения армии. Основопологающая внешнеполитическая идея ВКП(б) – идея мировой социалистической революции – получала мощное материальное обеспечение. Это не могло остаться незамеченным соседними странами. В 1931 г. Маннергейм был назначен председателем Совета обороны, а в 1933 г. ему присвоили чин фельдмаршала. Он взялся за укрепление обороноспособности страны с обычной энергией, вкладывая в это дело весь свой огромный опыт, осваивая новые виды и типы вооружения, иную, порожденную ими тактику ведения боевых действий. Одной из основных задач маршала стало усиление оборонительных сооружений на границе с СССР. Подготовка к их возведению началась сразу после обретения Финляндией независимости, а строительство с перерывами проходило в 1920–1930-е гг., часто с помощью волонтеров. С 1939 г. комплекс этих сооружений стали называть «линией Маннергейма».

28 сентября 1939 г. в Москве СССР и Германия подписали договор «О дружбе и границе», закрепивший разделение восточной Европы на зоны влияния. В советскую зону попали большая часть Польши, Прибалтика, Финляндия и другие земли, входившие ранее в Российскую империю. На основании договора и секретных

протоколов Советский Союз вскоре заключил с балтийскими государствами так называемые пакты о взаимопомощи и ввел на их земли войска. (Летом 1940 г. они были присоединены к СССР в виде союзных республик, аннексированная Бессарабия вошла в состав Молдавской ССР.) Подобный пакт был предложен и Финляндии, однако финны отказались принимать его условия. 30 ноября советские войска без объявления войны вторглись на территорию Финляндии. Говорить, что это явилось ответом на обстрел финнами территории СССР у местечка Майнила 26 ноября, уже тогда было несерьезно, поскольку для развертывания четырех армий на фронте в 1,5 тыс. км (от Мурманска до Финского залива) вдоль одной ветки железной дороги требуется больше месяца. После войны окончательно разобрались, что это была советская провокация [3, 104]. Военные действия дополнялись политическими: в одном из первых захваченных поселков было организовано правительство «Финляндской демократической республики» во главе с коммунистом О. Куусиненом, начато формирование «Финляндской народной армии», объявлено, что советские войска идут на помощь восставшему финскому народу и т. д. В заявлении О. Куусинена говорилось: «С помощью славной Красной Армии и Военно-Морского флота наш народ скоро добьется своего полного освобождения от варварского ига плутократической шайки Маннергейма–Рюти–Таннера – преступных провокаторов войны, подкупленных иностранными империалистами» [18, 98]. Таким образом, целью данной широкомасштабной операции было не перенесение границы на несколько километров от Ленинграда, как это обычно представляется в отечественной и довольно часто в зарубежной историографии [5, 560], а аннексия всей страны [18, 36].

Армию Финляндии составляли 10 дивизий, 7 спецбригад общей численностью 265 тыс. солдат и офицеров, имевших на вооружении 422 орудия, в том числе 112 противотанковых, 270 боевых самолетов и 26 исправных танков. Против них были сосредоточены объединения под общим командо-

ванием К. А. Мерецкова, насчитывавшие более 400 тыс. чел. с 1,5 тыс. танков, 2 тыс. орудий и 1 тыс. самолетов [9, 150–151]. И. В. Сталин и нарком К. Е. Ворошилов считали такое количество войск достаточным для завершения операции в 2–3 недели [9, 146]. «Ленинградская правда» так описывала войска, отправлявшиеся на передовую: «Невольно любуешься доблестными бойцами Красной Армии, вооруженными новейшими снайперскими винтовками, блестящими автоматическими ручными пулеметами. Столкнулись армии двух миров. Красная Армия – самая миролюбивая, самая героическая, могучая, оснащенная передовой техникой, и армия продажного финляндского правительства, которую капиталисты заставляют брехать оружием. А оружие-то, скажем откровенно, старенькое, поношенное. На большее поху не хватает» [14].

Однако наступление было остановлено 30 декабря еще в предместьях «линии Маннергейма». В отечественной историографии огромные потери советской стороны в значительной мере объясняются наличием этой линии. Ее главный создатель придерживался иного мнения: «...Русские еще во время войны пустили в ход миф о “линии Маннергейма”. Утверждали, что наша оборона на Карельском перешейке опиралась на необыкновенно прочный и выстроенный по последнему слову техники железобетонный оборонительный вал... который никакая армия никогда не прорывала... Все это чушь... оборонительная линия, конечно, была, но ее образовывали только редкие долговременные пулеметные гнезда, да два десятка выстроенных по моему предложению новых дотов. Ее прочность явилась результатом стойкости и мужества наших солдат, а никак не результатом крепости сооружений» [13, 319–320].

Некоторые стрелковые дивизии и танковые бригады советских соединений попали в окружение и были уничтожены полностью, оставив оружие противнику. По словам, например, командира 9-й пехотной дивизии финнов Я. Сииласвуо, это было «...немыслимо большое количество военных материалов», о которых финские ча-

сти «...не могли и мечтать даже во сне. Досталось все вполне новое, пушки еще блестящие» [17, 91]. Сталинское руководство не ожидало подобных потерь и скрывало их. Так, командование Ленинградского военного округа (ЛВО) в конце декабря сообщало, что в результате трехнедельных боев наши войска потеряли 1 823 чел. убитыми и 7 тыс. ранеными, финские – 2,2 тыс. убитыми, 10 тыс. ранеными и свыше 1,4 тыс. чел. пленными [17, 67]. На самом же деле за период с 1 декабря по 1 января от частей ЛВО было принято 100 пленных финнов [17, 99], а за всю войну от всех частей – «...не более 1 100» [9, 326].

Как советскому населению преподносилась эта война, можно судить, например, по докладу первого секретаря Мордовского обкома ВКП(б): «Наемники англо-французского империализма из маннергеймовской банды свергли Финляндию в кровавую авантюру. Трудовой народ Финляндии не желает войны с народами Советского Союза, и правительство страны социализма, идя навстречу чаяниям финляндского народа, заключило договор о взаимной помощи и дружбе с истинно народным правительством Финляндской демократической республики. Наша доблестная армия с честью выполняет возложенные на нее задачи оказать помощь финскому народу освободиться от кровавых палачей Маннергейма–Таннера – этих продажных псов англо-французского капитала...» [1, 18].

Несмотря на усиленную пропаганду, война была крайне непопулярной в России. В частности, Мордовия еще со времен Гражданской войны отличалась стойкостью призывного контингента и высоким уровнем добровольцев, идущих в армию [2, 81], но в этот раз все было иначе. Как сообщал в телеграмме от 21 января 1940 г. мордовскому обкому ВКП(б) командующий Московским военным округом С. М. Буденный, «Прием добровольцев Красную армию... идет недопустимо медленно... Числу принятых добровольцев республика стоит последнем месте округе. ...Ставит угрозу выполнение срок задание наркомата обороны» [1, 18].

К новому большому наступлению командование Красной армии готовилось почти полтора месяца. Оно началось 11 февраля 1940 г. силами шести армий и двух флотов (Балтийского и Северного), насчитывавших в общей сложности до 1 млн чел. личного состава, более 11 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков, 3,2 тыс. боевых самолетов [10, 53]. Только на Карельском перешейке – направлении главного удара, в 7-й и 13-й армиях были сосредоточены до 700 тыс. солдат и командиров, 5,7 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. самолетов и более 2,3 тыс. танков, в том числе новейших типа КВ. Здесь им противостояла финская армия генерала Эстермана, имевшая 100 тыс. чел., 460 орудий, 200 самолетов и 25 танков [17, 78]. Финская оборона была прорвана, путь на Хельсинки открыт. Однако политическая ситуация изменилась. Явная агрессия СССР против маленькой нейтральной страны, все население которой по численности уступало Красной армии, привела к росту антисоветских настроений во всем мире. 14 декабря 1939 г. Советский Союз был исключен из Лиги Наций, затягивание боевых действий создало условия для организации помощи Финляндии со стороны многих стран. Западные державы приняли решение о посылке в Скандинавию экспедиционного корпуса. Назревала угроза создания широкой антисоветской коалиции. В этих условиях И. В. Сталин был вынужден отказаться от планов аннексии всей Финляндии и удовольствоваться лишь частью ее территории.

13 марта 1940 г. так называемая Зимняя, Советско-финляндская война закончилась. Итоги ее оказались крайне неблагоприятными для СССР, и прежде всего в части потерь. По современным данным отечественных историков, вошедшим в учебную литературу, «...советские потери за 105 дней войны составили более 126 тыс. чел. убитыми, без вести пропавшими и умершими от ран» [11, 662]. В специальных исследованиях приводятся еще большие числа. Общие потери противника, по сведениям финских историков, были равны около 80 тыс. чел., в том числе 21 396 убитых,

1 434 без вести пропавших, 43 557 чел. раненых и т. д. [17, 325].

Практически пятикратная разница в потерях, не смотря на колоссальное превосходство Красной армии в техническом обеспечении и вооружении, многими отечественными и большинством зарубежных исследователей объясняется, главным образом, плохой организацией и низким уровнем командования в советских частях и соединениях, что явилось прямым следствием сталинских репрессий, когда только за 1937 г. и до сентября 1938 г. было арестовано до 40 тыс. опытных командиров Красной армии и Военно-морского флота. Согласно российским ученым, Народный комиссариат внутренних дел уничтожил вдвое больше советских полководцев, чем их погибло во Второй мировой войне [12, 412], что не могло не сказаться отрицательно на всех уровнях военной организации. К этому следует добавить важное для русского человека сознание «несправедливой войны», что существенно снижало стойкость сражавшихся частей [3, 104]. Разумеется, сыграли роль опыт и полководческий талант российского генерала и маршала Финляндии Маннергейма. Одним из итогов Зимней войны стало убеждение западных руководителей, включая А. Гитлера, в небоеспособности Красной армии [4, 361], что предопределило в дальнейшем появление «Плана Барбаросса».

Гитлеровское руководство официально придерживалось нейтралитета, будучи связанным с СССР пактом «О дружбе и границе», но «...дало понять финнам, что в договорах между Германией и Советским Союзом Финляндия оставлена в сфере интересов последнего» [9, 239]. Германия не разрешила перевозки через свою территорию закупленного финнами военного снаряжения и добровольцев даже из союзных с ней стран, например Венгрии, где в добровольцы записалось около 25 тыс. чел. [13, 299]. Однако после Зимней войны отношения между странами претерпели значительные изменения. Захват Гитлером в апреле 1940 г. Дании и Норвегии привел к изоляции Финляндии и к тому, что единствен-

ной страной в Европе, способной удовлетворить ее запросы в военных поставках и продовольствии, стала Германия. Последнее обстоятельство было особенно важным с учетом продолжавшейся, по мнению финнов, интенсивной подготовкой нового нападения СССР [13, 362]. Немцам было разрешено снабжать свои войска в Северной Норвегии через финские порты. В Финляндии стал формироваться добровольческий батальон СС для службы в Германии, против чего главнокомандующий, по его словам, резко возражал, но смог лишь ограничить вербовку лицами, не находившимися на военном учете [13, 366]. На переговорах о возможном участии финнов в войне против СССР начальник финского генерального штаба «...совершенно определенно заявил, что его страна не будет воевать, если только на нее не нападут» [19, 170].

Тем не менее 22 июня 1941 г., выступая по поводу вторжения в Россию, А. Гитлер назвал союзниками Германии Румынию и Финляндию. Как писал Маннергейм, «...такой поступок преследовал цель поставить Финляндию перед свершившимся фактом, что вынудило бы русских на нападение, но, с другой стороны, я уверен, что русские в любом случае вряд ли бы отказались от нападения на Финляндию» [13, 375]. В тот же день финское министерство иностранных дел официально уведомило все соответствующие инстанции, «...что Финляндия желает остаться на позициях нейтралитета» [13, 375], хотя на некоторых участках ее границы советские батареи открыли огонь, а на отдельные военные объекты советскими бомбардировщиками были сброшены бомбы. Через два дня заявления о нейтралитете были повторены и приняты в Берлине и Лондоне. Однако в Москве в нарушении нейтралитета обвинили как раз Финляндию: финского посла «...попросили выяснить, намерена ли Финляндия остаться нейтральной», но не дали ему возможности связаться с правительством. С 25 июня советские войска предприняли широкомасштабные боевые действия, и правительство Финляндии объявило о состоянии войны с СССР [13, 376]. 10 июля, в свою очередь, началось насту-

пление финнов по обеим сторонам Ладожского озера. Они захватили всю Карелию, которую считали исторической территорией финской нации, и подошли к своей старой границе в 32–35 км от Ленинграда, где, не смотря на призывы А. Гитлера, и остановились. Они действовали самостоятельно, никакого официального договора о сотрудничестве Финляндия и Германия тогда не заключили, хотя, несомненно, практически должны были взаимодействовать. Маннергейм издал приказ Ленинград не обстреливать и не бомбить, что и привело к известным надписям на городских домах: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

В 1942–1943 гг. фронт стабилизировался. К лету 1944 г. у СССР появилась возможность усилить группировку на северо-западе. Финнам последовал ультиматум, содержавший требования восстановить границы на условиях Московского мирного договора от 1940 г., предоставить базы, интернировать силами финской армии немецкие части в Финляндии и репарации в размере 600 млн дол. США, которые должны были быть выплачены в течение пяти лет. Камнем преткновения стал вопрос о репарациях – их размер и сроки были признаны нереальными после проведенного анализа возможностей финской экономики, поэтому 18 апреля Финляндия ответила отказом на советские предложения [13, 454].

9 июня советские войска перешли в наступление на Карельском перешейке и отбросили противника за Выборг. При угрозе прорыва фронта на Хельсинкском направлении финны запросили поставку оружия из Германии. 26 июня 1944 г. президент Финляндии Рюти и министр иностранных дел Германии Риббентроп подписали соглашение, которое гарантировало, что Финляндия не будет вести мирные переговоры с СССР до тех пор, пока Рюти занимает должность, в обмен на поставки финнам оружия. Финская армия получила значительное количество противотанковых средств, боеприпасов, самолетов и др. Более того, с этого момента в боях на Карельском перешейке стали принимать непосредственное участие

немецкие части и авиаэскадрильи. Благодаря этому наступление противника удалось остановить.

1 августа 1944 г. Рюти подал в отставку и президентом стал Маннергейм, не связанный договором с Германией. 2 сентября он написал Гитлеру письмо, в котором сообщил, «... что Финляндия не может дальше продолжать борьбу, поскольку она рискует новыми жертвами поставить под угрозу само существование своего народа. Поэтому он, президент, считает своим долгом вывести свой народ из состояния войны, даже если его объяснения и не встретят признания и одобрения со стороны Гитлера» [19, 455]. 4 сентября при посредничестве США и Швеции между СССР и Финляндией было подписано перемирие на условиях апрельского ультиматума, за исключением пункта о репарациях. Они были уменьшены в два раза, зато Финляндия передавала СССР район Петсамо (Печенга – рус.). После этого Гитлер предпринял попытку оккупировать Финляндию. Однако на юге она провалилась сразу, а на севере перешла в затяжную, так называемую Лапландскую войну, в ходе которой немецкие войска к апрелю 1945 г. были вытеснены из страны.

По окончании Второй мировой войны практически все главные военные руководители и часть гражданских из стран гитлеровского блока предстали перед международным судом в качестве военных преступников. В отношении Маннергейма таких требований не поступало ни от советской стороны, ни от ее союзников.

Анализируя деятельность российского генерала, маршала, а в 1944–1946 гг. президента Финляндии, имевшую отношение к нашей стране, необходимо абстрагироваться от его мемуаров. В них он, разумеется, тщательно взвешивал описание всех пожеланий и действий с учетом дальнейшего развития отношений Финляндии с ее могучим восточным соседом. Оценивать следует именно факты. На их основании можно констатировать: Маннергейм честно служил Российской империи, пока она не распалась. Затем так же преданно служил новому государству – своей родине – Финляндии. Были ли у него карьерные по-

буждения? Скорее всего, были – какой же нормальный военнослужащий не будет стремиться к новымчинам с повышенным денежным содержанием?! Были ли они главной целью этой службы? Здесь вполне можно дать отрицательный ответ, вспомнив, например, его отказ от поста главнокомандующего финской армией после разногласий с правительством или отсутствие попыток стать диктатором Финляндии, когда он, будучи главнокомандующим, располагал для этого всеми возможностями, и внутри- и внешнеполитическими, ведь 1930-е гг. характеризовались повсеместным установлением диктатур. Хотел ли он вторгнуться в Россию? Да, чтобы поддержать боевого соратника – Юденича, выступавшего против незаконной, по его мнению, власти большевиков. Сделал ли он это? Нет. Нападал ли в дальнейшем? Нет, в Зимней войне он защищал свое государство, а в 1941 г. вступил в войну, принужденный превентивным нападением. Придерживался ли он союза с Гитлером? Да, юридически в течение месяца–двух в 1944 г. после неоднократных обращений к СССР о перемирии с тем, чтобы иметь средства для продолжения войны. Предал ли он Гитлера? Нет, предать он мог только свою страну. Главной его задачей было сохранить суверенитет и независимость Финляндии, и он этого добился. Боевые действия против немецких войск, пытавшихся оккупировать Финляндию, также были обороной. Виноват ли он в блокаде Ленинграда? В той мере, в которой его вынудили воевать и выйти у города на старую советско-финскую границу. Во всяком случае, в блокаде и гибели жителей Маннергейм виноват гораздо меньше, чем развязавший войну с Финляндией Сталин.

Таким образом, Маннергейм был честным и достойным противником, а достойных противников следует уважать. Уважая их, мы уважаем себя. Как сказал Л. Н. Толстой, «мы любим людей за то добро, которое им делаем и ненавидим за то зло, которое им причиняем». Однако даже такую ненависть нельзя копить вечно: все мы живем на одной Земле и надо постараться ужиться.

Поступила 19.11.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК   BIBLIOGRAPHY

1. *Абрамов, В. К.* Мордовия в годы Второй мировой войны // Мордовия в годы Второй мировой войны : сб. ст. / МГУ им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2006. – С. 4–97.
2. *Абрамов, В. К.* Мордовское национальное движение / В. К. Абрамов ; МГУ им. Н. П. Огарева. – 2-е изд., испр. и доп. – Саранск, 2010. – 184 с.
3. *Абрамов, В. К.* Отечественная историография Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. : новые аспекты // История в культуре, культура в истории : материалы V Сафаргалиевских научных чтений. – Саранск, 2001. – С. 102–105.
4. *Аптекар, П. А.* Советско-финские войны / П. А. Аптекар. – Москва : Яуза ; Эксмо, 2004. – 384 с.
5. *Боффа, Дж.* История Советского Союза : в 3 т. / Дж. Боффа ; пер. с итал. И. Б. Левина, С. К. Дубинина, В. Н. Дахина. – Москва : Международные отношения, 1990. – Т. 1 – 632 с.
6. *Власов, Л. В.* Маннергейм / Л. В. Власов. – Москва : Молодая гвардия, 2005. – 309 с.
7. *Военно-разведывательная экспедиция в Китай, 1906–1908 гг.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://borianm.livejournal.com/21592.html>. – Дата обращения: 29.10.2016.
8. *Зачем нам мемориальные войны?* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/piter/2016/10/21/1560806.html>. – Дата обращения: 23.10.2016.
9. *Зимняя война 1939–1940* : в 2 т. Т. 1. – Москва : Наука, 1999. – 382 с.
10. *Зимняя война. Документы о Советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов // Международная жизнь.* – 1989. – № 8. – С. 51–68.
11. *История России* / под ред. А. Н. Сахарова. – Москва : Проспект, 2008. – 768 с.
12. *История России. XX век.* – Москва : AST, 1997. – 608 с.
13. *Маннергейм, К. Г.* Мемуары / К. Г. Маннергейм ; пер. с фин. П. Куйвала, Б. Злобина. – Москва : Вагриус, 1999. – 509 с.
14. *Ленинградская правда.* – 1939. – 2 дек.
15. *Маннергейм Карл Густав Эмиль* : биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pomnipro.ru/memoriyapage4634/biography>. – Дата обращения: 28.10.2016.
16. *Мери, В.* Маннергейм – маршал Финляндии / В. Мери ; пер. со швед. А. Афиногеновой. – Москва : Новое литературное обозрение, 1997. – 208 с.
17. *Родина.* – 1995. – № 4.
18. *Сергей Иванов открыл мемориальную доску в честь Карла Маннергейма* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/16/reg-szfo/v-peterburge-ustanovili-pamiatnuiudosku-annergiejmu.html>. – Дата обращения: 23.10.2016.
19. *Типпельскирх, К.* История Второй мировой войны / К. Типпельскирх ; пер. с нем. Н. А. Захарченко, Л. К. Комоловой. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1956. – 607 с.
20. *Фомин, С.* Барон Маннергейм : русский генерал или финский фельдмаршал? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=322935>. – Дата обращения: 23.10.2016.
1. *Abramov, V. K.* (2006), *Mordovia during the Second World War*, Compilation of articles, Saransk, p. 4–97.
2. *Abramov, V. K.* (2010), *Mordovian national movement*, Ed. 2, Saransk: Mordovia State University.
3. *Abramov, V. K.* (2001), *Domestic historiography of the Soviet-Finnish war of 1939–1940*. New aspects, *History in culture, culture in the history*, Proceedings of V Safargaliev readings, Saransk, p. 102–105.
4. *Aptekhar, P. A.* (2004), *Soviet-Finnish War*, Moscow: Yauza; Eksmo.
5. *Boffa, J.* (1990), *History of the Soviet Union in 3 vol., Vol. 1*, Moscow: International Relations.
6. *Vlasov, L. V.* (2005), *Mannerheim*, Moscow: Molodaya Gvardia.
7. *Military reconnaissance expedition in China, 1906–1908*, available: <http://borianm.livejournal.com/21592.html> [accessed 29 October 2016].
8. *Why do we need the war memorial?* available: <http://www.rosbalt.ru/piter/2016/10/21/1560806.html> [accessed 23 October 2016].
9. *The Winter War of 1939–1940* (1999), Vol. 1, Moscow: Nauka.
10. *The Winter War. Documents on the Soviet-Finnish relations in 1939–1940* (1989), *International Affairs*, № 8, p. 51–68.
11. *Sakharov, A. N.* ed. (2008), *History of Russia*, Moscow: Prospect.
12. *History of Russia. The twentieth century* (1997), Moscow: AST.
13. *Mannerheim, K. G.* (1999), *Memoirs*, Moscow: Vagrius.
14. *Leningradskaya Pravda*, 2 December, 1939.
15. *Carl Gustaf Emil Mannerheim: Biography*, available: <http://pomnipro.ru/memoriyapage4634/biography> [accessed 28 October 2016].
16. *Mari, V.* (1997), *Mannerheim – Marshal of Finland*, Moscow: New Literary Review.
17. *Homeland*, 1995, № 4.
18. *Sergei Ivanov opened a memorial in honor of Carl Mannerheim*, available: <https://rg.ru/2016/06/16/reg-szfo/v-peterburge-ustanovili-pamiatnuiudosku-annergiejmu.html> [accessed 23 October 2016].
19. *Tippelskirch, K.* (1956), *History of the Second World War*, Moscow: Publishing House of Foreign Literature.
20. *Fomin, S.* Baron Mannerheim: Russian General or Finnish Field Marshal? available: <http://rusk.ru/st.php?idar=322935> [accessed 23 October 2016].